

Два языка — одна сцена

В наши дни у мордовского народа появился шанс заявить свой национальный театр. Тот, который был открыт еще в начале 30-х, но как-то незаметно прекратил свое существование в послевоенные годы. Составивший из мордовской и русской трупп, он постепенно превратился в однозначно русский. Республика, начиная с 40-х годов, выучила в Москве и Ленинграде несколько актерских студий, проку от этого для национального искусства было мало — они бесследно исчезали в недрах объединенной труппы. Последняя мордовская студия, окончившая в 1989 году училище имени М. С. Щепкина, могла повторить судьбу своих предшественников. Правда, времена уже были иными. Решено было образовать из выпускников студии самостоятельный театр. Вот тогда-то и пересеклись пути молодого, но уже достаточно известного драматурга Александра ПУДИНА и еще более молодого, пока мало кому знакомого театрального коллектива. Пудин стал директором и художественным руководителем Национального театра.

— Как вы, поэт, писатель, чьи пьесы идут не только в России, но и за пределами бывшего Союза, решили на это? Почему?

— Очень уж большого желания работать в театре у меня не было. Я занимался литературной работой, и все в моей жизни было в порядке. Но когда увидел, что Национальный театр движется куда-то не в ту сторону... Они способные, энергичные, эти щепкинские ребята, дело, ну, что ли, в направлении души. Театр открылся мордовской пьесой, моими «Анахоретами», на мокшанском языке. И все. Потом пошла модная современная драматургия — уже на русском. Ребята в открытую стали говорить, что будут создавать молодежный русский театр. А в городе пошли любопытные разговоры о том, что появился какой-то камерный интимный театр с соевой «ночной жизнью». То ли кабачок, то ли еще что. Это задело меня всерьез. Я выступил в газете с критикой, с предупреждением — Национальный театр опять под угрозой...

— Давайте подумаем, а вдруг это — естественный ход событий. Может, мордву от природы ближе, органичнее какие-то другие виды искусства. К примеру, именно этот народ дал миру великого Эрьзу. Случайно ли? То есть, каждому свое. Это нормально,

тут нет никакой ущербности. И потом, мордовский народ долго, не испытывая душевного дискомфорта, жил без своего театра. Вы, Александр Иванович, по возрасту, тоже скорее всего не видели спектаклей Мордовского театра. Традиции профессиональной национальной сцены в республике не смогли сложиться и окрепнуть настолько, чтобы остаться жить в народной памяти. Так есть ли сегодня в Мордовии настоящая потребность в национальном театре?

— Действительно, того Мордовского театра я не знаю. Единственный раз видел спектакль на родном языке — мне было лет восемь, — когда в деревню приехали то ли профессионалы, то ли актеры-любители. Спектакль понравился. Запомнилось и то, как люди его восприняли. И когда я думаю об этом, мне кажется, что у нас театр — дело не безнадежное. Но безнадежное!

Конечно, народ не выходил на митинги, требуя открыть национальный театр. Но желание иметь его, интерес к спектаклям — это было. Не хватало людей с засученными рукавами, и конкретных действий. Руководство республики предпочитало лишь говорить на эту тему, его вполне устраивало так, вечно строить и строить национальный театр, а потом уйти на пенсию, пусть другие достраивают. Да и сейчас театр был открыт как-то спонтанно, без предварительной подготовки, обдумывания заговора, как он будет жить, с каким режиссером работать — режиссера-то не выучили.

Махнули, сделали — вынудил нынешний повышенный интерес к национальной культуре, к ее бедственному состоянию. Конечно, самое сильное у мордвы — это изобразительное искусство, прикладное, особенно резьба по дереву — среди лесов живем. Тут крепкие традиции. И еще — пение, у нас хорошие ансамбли. Но и театр нам нужен. Даже если все сведется к тому, что он поможет народу сохранить свой язык. Это же просто трагедия — язык наш стал исчезать, нация вырождаться.

— Но есть ли у него необходимая почва, достаточно емкая экологическая ниша, чтобы окрепнуть в пору становления, осуществить затем свою роль, если вы говорите о рождении нации?

— Это как опасная тенденция. Но еще сохранились целые районы, огромные, — выедешь из Саранска, и вот она, чистая мордва. Тут и говорят на своем языке, и носят национальные костюмы, обычаи соблюдают, свадьбы справляют по-мордовски. Как-то, может быть, многие исконно национальные черты, бывавшие в старину, утрачены, но что-то еще есть, не исчезло из жизни.

— Как вы думаете, кто он, ваш зритель? На кого театр предполагает в основном работать?

— Пока трудно сказать. Оджанды я был, просто ошарашен. Когда начал показывать в Саранске спектакли на мордовском языке, — пришел на собрание писателей и пригласил их в театр: они раньше ведь так много и хорошо говорили о необходимости национальной сцены. Кассир с билетами ждала в фойе. Знаете, и ней подошла всякого для человека, два очень совестливых человека. Так что рассчитывать на нашу интеллигенцию... Очень она инертная, равнодушная. Я сказал тогда писателям: значит, на вас делать ставку я не могу, мне нужно чтобы театр жил, чтобы к нам пошли люди. Но кто они! Не будем гнушаться выездами на село, к «запредельной мордве» — в одной только Пензенской области мордвы около ста тысяч. Кстати, в селах нас принимают очень неплохо. Я убедился — зрителям наши постановки интересны. «Жизнь Василия Фивейского» по Леониду Андрееву — сложный спектакль, тем не менее смотрится он хорошо, как и «Любовь под вязами» О'Нила. Правда, может быть, — я как-то смутно ощущаю это — наши спектакли еще не совсем то, что нужно бы... Наверное, не хватает того, о чем мы говорили, — национальной жизни, духа, быта.

— Как бы вы определили мордовский национальный характер?

— О, это то, что, постоянно познавая, все равно будешь открывать для себя что-то новое. Народ, я бы сказал, незлой, с душой открытой, камня за пазухой не держит. Но не распахнутый настежь, не импульсивный и горячий, как кавказцы, — сдержанный народ. Несколько медлительный, в работе же эта медлительность — скорее основательность.

— А если театру обратиться к национальному эпосу?

— Это может быть очень интересно. Мордовский эпос «Масторавая» вполне поддается театрализации. Там такое богатство образности, так поэтичен язык! Даже если взять только нашу народную песню — это же целая драматургия. Там и история, обещание мордвы с ногайцами, с половцами, там и национальный быт. Например, у нас были обязательны благопожелания: кто двар у вас был полон скотины, у жен было бы много детей, у урожай, чтоб колос был толще, с оглобью, зерно — с яичный желток... У мордвы богатейшая мифология, десятки божеств. Дело за режиссерами. Это одна из самых острых наших проблем.

— В наше время, когда так обострены межнациональные отношения, когда былые объединенные национальные театры делятся на самостоятельные коллективы, вы строите единый двуязычный театр. Вы не боитесь внутренних национальных трений, шероховатостей? Например, ревнивые извешивания, на каком языке театр работает больше, на каком меньше, какая национальность в коллективе преобладает — мокша или эрзя...

— Сначала действительно возникали подозрения, я, что называется, спиной слышал: да, опять он взял пьесу на мокшанском...

— Потому что сам мокшан...

— Да. Но, думаю, серьезные национальные конфликты в театре возможны, только

если они разгорятся в обществе, в народе. Этого у нас, слава богу, нет, и никто не спрашивает, кто ты по национальности.

— Когда отпадут трудности, сгладятся огрехи периода становления, каким видите вам этот театр, чем будет он отличаться, о чем говорить со зрителями?

— Уж коли я к нему причастен, хочется, чтобы это был не какой-то театр вообще, прокатная площадка. Мне нравится понятие «Национальный театр», с акцентом на первом — национальный. Хотелось бы, чтобы он был ближе к человеку, работал на человека, боролся за человека, помогал ему ориентироваться в драматической сложности жизни. Недавно поспорили мы с одним знакомым кинооператором, говорили об административно-командной системе, в чем она виновата, в чем нет. Так я все больше убеждаюсь, что мы, люди, опять нашли себе оправдание. Мол, это оно, система, во всем виновата — и в том, что мы невежественны, жестоки, способны избить мать, бросить старых родителей, и в том, что плохо работаем, много пьем... Но если будем рассуждать как верующие, то в Судный день перед Богом предстанет ведь не система, а мы сами, и каждый ответит за себя сам.

Надо осознать, что многое, очень многое зависит от нас самих. Согласен, система процветала, способствовала нравственной деградации человека. Но ведь он плох не от рождения, не от природы, он в силах сохранить себя, устоять и не свалиться в помойную яму. Когда я писал пьесу «Жизнь Василия Фивейского», думая как раз об этом. Мне хотелось, где-то даже вопреки Л. Андрееву, сказать, что человек — это ценность, жизнь, вера, Бог — ценность, и его надо дорожить, держаться за нее...

— Вы — верующий?

— Боюсь, это громко сказано. Но для меня отношение к Богу, к вере, к церкви — очень серьезно...

На этом я выключила магнитофон. Мне показалось, недоговоренность многоточия более подходит концу нашей беседы, чем категоричность точки. У Национального театра Мордовии и у его художественного руководителя все эпери, облом предостает еще много узнать, открыть, сделать в совместной работе, в строительстве национального театрального искусства.

Галина ДАНИЛОВА.